

М.В. ИВАНОВА

**ЭФФЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПАРТИЙНОЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО: РЕГИОНАЛЬНЫЕ,
НАЦИОНАЛЬНЫЕ И БИЗНЕС-ЭЛИТЫ**

Избирательные реформы в развитых демократиях обычно рассматриваются как результат электоральной инженерии, не препятствующей свободному волеизъявлению граждан. Арендт Лейпхарт описывает такие реформы как изменение «правил игры», направленное на их «улучшение» и при этом не меняющее их результат [Lijphart, 1994, p. 139]. Отмечая высокую внутреннюю однородность избирательных систем в развитых демократиях, он доказывает, что их модификации не влияют на диспропорциональность партийной системы или эффективное число партий [Lijphart, 1994, p. 94]. Можно сказать, что в развитых демократиях избирательные системы изменяются редко, и при этом не искажаются результаты выборов [Lijphart, 1994, p. 94].

Исследователи электоральных реформ в условиях демократического транзита [Schedler, 2002, p. 37; Schedler, 2010, p. 69] традиционно относят Россию к странам «серой зоны», или «зоны тумана», т.е. к государствам, которые переживают «рецессию» демократических институтов либо предпринимают первые попытки построить демократию. В таких государствах существуют институты, характерные для демократии, включая выборы, но результаты этих выборов не соответствуют предъявляемым демократиям требованиям [Schedler, 2002, p. 37]. Часто такие государства называют гибридными режимами или странами электорального авторитаризма. Можно встретить и другие определения: соревновательный авто-

ритаризм, псевдодемократия, электоральная демократия [Schedler, 2002, p. 37; Levitsky, Way, 2002, p. 51].

Для этих государств характерна высокая степень волатильности избирательных и партийных систем [Coppedge, 1998, p. 563; Birch, 2001, p. 13; Mainwaring, 1998, p. 71; Mozaffar, Scarritt, 2005, p. 416; Sikk, 2005, p. 409]. В 1990–2000-е годы такие государства переживали либо «стагнацию», либо «рецессию» институтов демократии. Регулярные выборы не приводили там к демократизации [O'Donnell, Schmitter, 1986, p. 70; Pye, 1997, p. 228]. Тем не менее сформулированная Лейпхартом повестка электоральных реформ используется и в отношении них.

Основные подходы в исследовании избирательных реформ при электоральном авторитаризме

Исследования реформ избирательного законодательства в странах электорального авторитаризма можно разделить на две группы.

К первой группе относятся исследования в рамках теории «демократического транзита», фокусирующие интерес на поиске причин, приводящих к формированию демократий в развивающихся государствах. Авторы этого направления связывают поведение элит в процессе демократизации с зависимостью от факторов исторического развития, в том числе от разрушения колониального правления [Mozaffar, Scarritt, Galaich, 2003, p. 388] и формирования авторитарных режимов [Mozaffar, Scarritt, 2005, p. 400]. Незавершенность национального строительства или общий кризис социальной системы вызывают необходимость стабилизировать политическую систему в целом [Hood, 1998, p. 863], поэтому избирательные реформы нацелены на консолидацию политического режима. Среди факторов, ускоряющих демократизацию, упоминаются также экономические кризисы, массовые протесты, смерть диктатора и раскол внутри правящей партии или группы [Geddes, 1999, p. 140].

Считается, что в Восточной Европе демократизация происходила в результате массовых протестов, а в Латинской Америке – вследствие раскола правящих групп [Geddes, 1999, p. 137]. Есть и альтернативные объяснения, указывающие на роль ошибок правящих элит. В действительности же авторитарные режимы обычно

плохо информированы о нуждах общества и именно поэтому допускают создание демократических институтов. Эти режимы не в состоянии предсказывать результаты реформ, так что демократизация происходит против воли элит [Petrov, Lipman, Hale, 2014, p. 22].

Исследования данного направления чаще всего оперируют качественными данными, акцентирующими особенности каждого конкретного случая. Авторы, как правило, исходят из представления о неразрывной связи между электоральными реформами и реформами политической системы в целом. Кроме того, в этой группе исследователей чаще допускают, что институты демократии, включая выборы, способны содействовать демократизации, даже несмотря на волю правящей группы – в силу слабой информированности последней о потребностях общества. Одновременно в рамках данного подхода принято исходить из того, что движение к демократии возникает прежде всего в силу осознанного выбора правящей группы.

Вторая группа исследователей видит причины электоральных реформ в стремлении элит к обеспечению «нужного» результата на выборах. Данный тезис укладывается в повестку Лейпхарта для развитых демократий. Используя институты, характерные для демократии, правящие группы изменяют избирательное законодательство с целью сохранения власти, в том числе через формирование партийной системы с доминирующей партией. Такие системы позволяют автократиям существовать достаточно долго, не демократизируя всерьез политическую жизнь.

Проводя электоральные реформы, правящая группа нередко прибегает к распределению экономических трансферов и ренты с целью кооптации потенциальных соперников [Wintrobe, 1998, p. 610], она дробит оппозицию и повышает для нее координационные издержки [Magaloni, Diaz-Cayeros, 2001, p. 291; Golosov, 2013, p. 93], создает возможности для более активного привлечения на избирательные участки лояльных избирателей [Frye, Reiter, Skazoni, 2014, p. 224]. При этом проведение реформ более вероятно в случае уверенности элит в своей способности удержать власть [Voix, Svoboda, 2013, p. 314; Golosov, 2013, p. 93].

Авторы данного направления исследуют влияние изменений избирательного законодательства на политические процессы. Они значительно чаще используют количественные методы, ориентируясь, как правило, на теорию рационального выбора и различные

разновидности неинституционального подхода. Эти исследователи обычно исходят из того, что электоральные реформы не обязательно приводят к демократизации, поскольку правящая группа способна хорошо предсказывать результаты своих действий и создавать «замещающие» институты, призванные служить своеобразным тормозом демократизации. Часто такие субституты становятся конкурентами политических партий и успешно вытесняют их с «электорального рынка» [Hale, 2005, p. 152; Mozaffar, Scarritt, 2005, p. 400; Gel'man, 2008, p. 927].

Постановка исследовательской задачи

В настоящей работе предпринята попытка объединить оба подхода. Главные вопросы заключаются в том, что именно является результатом изменений избирательного законодательства в странах электорального авторитаризма и как его можно измерить, не прибегая к индексам диспропорциональности Лейпхарта.

Первый подход предполагает рассматривать данный вопрос через анализ отдельных случаев, в абсолютном большинстве которых результат реформ – это сохранение статус-кво. Второй видит причину проведения реформ в рациональном стремлении правящей группы получить максимально выгодные для себя результаты. Объединив оба подхода, можно сделать вывод, что, изменяя избирательное законодательство, правящая группа стремится стабилизировать политическую систему и формирует с этой целью условия проведения выборов. Прежде всего, это означает, что стремление сохранить статус-кво подавляет стремление правящей группы или диктатора максимизировать свое политическое влияние, а политические элиты, стабилизируя режим, получают возможность упрочить свое положение.

Главный тезис, отстаиваемый в данном исследовании, заключается в том, что «автократы» стремятся «улучшить» работу системы в том смысле, в каком они это понимают. Электоральный авторитаризм иным образом, нежели развитые демократии, интерпретирует результат изменений избирательного законодательства. Автократам не имеет смысла бороться за власть, поскольку она уже находится в их руках. Однако укрепить свое положение они могут, только сохранив статус-кво. В этом смысле рациональное

поведение правящей группы заключается в распределении ресурсов таким образом, чтобы это способствовало стабилизации политического режима.

Одним из механизмов, позволяющих электоральному авторитаризму достигать данной цели, традиционно является формирование доминирующей партии или создание субституттов, вытесняющих политические партии и не дающих сформировать партийную систему [Hale, 2005, p. 152; Mozaffar, Scarritt, 2005, p. 400; Gel'man, 2008, p. 927]. В таких режимах существует множество малых партий, которые препятствуют формированию крупной оппозиционной партии, способной одержать победу на выборах [Gel'man, 2008, p. 927]. Сочетание избирательной системы простого большинства с пропорциональностью, смешанные избирательные системы на региональном и общенациональном уровнях призваны установить и укрепить доминирование «партии власти» [Magaloni, Diaz-Cayeros, 2001, p. 291; Golosov, 2013, p. 93; Panov, Ross, 2013, p. 750]. На региональном уровне политические акторы фактически «играют» в навязанную им игру, встраивая свои стратегии в иерархическую систему, контролируруемую монопольным национальным лидером [Golosov, 2013, p. 93].

Элиты стран «серой зоны» проводят реформы, чтобы укрепить собственное положение. Это вовсе не означает, что «правящая группа» будет стремиться исключить из политической борьбы оппонентов. Как и в странах развитой демократии, она стремится к «улучшению» системы, однако видит его не в изменении результатов голосования, а в стабилизации политической системы. В таких условиях результаты выборов всегда будут диспропорциональными, поскольку изменения в избирательном законодательстве не направлены на их соответствие выбору избирателей.

В данной работе предполагается на примере изучения баланса сил внутри нижней палаты российского парламента эмпирически проверить, как изменение избирательного законодательства помогает сохранить статус-кво и стабилизировать систему.

Кроме того, предполагается исследовать, к чему стремятся элиты в странах электорального авторитаризма и в чем они видят результаты избирательной реформы. В частности, ставится задача проверить гипотезу о стремлении режима сохранить с помощью реформы баланс элит в представительных институтах – «заморозить» их состояние и «подогнать» под него голосование избирате-

лей, используя для этого электоральные машины, телевидение, финансовые ресурсы и т.д.

Таким образом, исследовательская гипотеза может быть сформулирована следующим образом: *изменения избирательного законодательства в России приводят к сохранению пропорций представительства внутри элит.*

Обычно выделение различных категорий элит производится на основе ресурсов, используемых в ходе избирательных кампаний [Hale, 2005]. Логично предположить, что бизнес-элиты конвертируют финансовый ресурс в представительство своих интересов в органах власти, региональные элиты обменивают контроль над электоральными машинами на места в партийных списках, представители органов государственной власти (чиновники) – административный ресурс на возможность принятия решений. При этом региональные элиты стремятся получить представительство в общенациональном парламенте, а общенациональные элиты – сохранить там свое представительство.

Эмпирической базой исследования являются данные на 1337 депутатов Государственной думы 2003, 2007 и 2011 гг. избрания. Депутаты классифицированы на основании экспертных оценок в соответствии с теми характеристиками, которые даются им в средствах массовой информации.

Реформы избирательного законодательства в РФ

Начало избирательных реформ в России принято датировать осенью 1999 г., когда перед самым стартом думской кампании Центральной избирательной комиссии было позволено контролировать источники поступления средств в избирательные фонды. После этого изменения в избирательное законодательство стали вноситься регулярно, и все они так или иначе меняли условия проведения выборов и влияли на ресурсы участников кампаний. На протяжении последующих лет нарастала административная экспансия в сферу публичной политики [Коргунюк, Ахременко, 2012, с. 188], ограничивалась конкуренция [Подвинцев, Панов, Иванова, 2012, с. 256], с помощью методов электоральной инженерии формировались нужные результаты [Голосов, 2003, с. 119], унифицировались «правила игры» на региональном уровне [Кынев, 2006, с. 158].

Впервые выборы в нижнюю палату парламента по смешанной несвязанной избирательной системе были проведены в 1993 г. Указом Президента, утверждавшим порядок их проведения, к выдвижению списков были допущены все потенциальные участники, в том числе субституты. При этом требования к выдвижению усиливали позиции субститутотв с локализованной поддержкой. Правила перевода голосов в мандаты (метод Хэра), порог для прохождения партий, порог явки и нарезка округов предоставляли кандидатам относительно равные условия конкуренции.

Принятый в 1995 г. рамочный закон о выборах депутатов Государственной думы подтвердил положения ельцинского указа, а также определил, что общенациональная часть списка избирательного объединения не должна включать более 12 кандидатов. Требования к избирательному залоту и сбору подписей значительно сократили число потенциальных участников выборов и субститутотв. Таким образом, впервые были использованы возможности воздействия на структуру партийных списков через изменение избирательного законодательства и тем самым на трансляцию ресурсов элит политическим партиям.

В 1997 г. число потенциальных участников выборов было ограничено так называемыми политическими общественными организациями, при этом были введены нормы, направленные на формирование условий для институционализации партий. Первые из бюллетеней начали вытесняться конкуренты политических партий. Но возможности субститутотв с локализованной электоральной базой пока еще не ограничивались. Введение голосования по открепительным удостоверениям расширило возможности для манипуляций в день голосования.

В 1999 г. процесс трансляции ресурсов элит политическим партиям был продолжен: общенациональную часть списков расширили с 12 до 18 кандидатов. Это создало возможности для привлечения ресурсов малыми партиями. Кроме того, был введен залот на выборах по партийным спискам, что в значительной степени облегчило процедуру регистрации избирательных объединений. Новые требования к предоставлению итоговой финансовой отчетности поставили под государственный контроль финансирование «белых касс» участников кампании.

В 2002 г. партиям и созданным ими избирательным блокам были предоставлены преференции. В частности, их освободили от

сбора подписей и внесения залога – введенная годом ранее сложная процедура регистрации в Министерстве юстиции сделала эти процедуры избыточными. Конкретизация процедур заполнила ниши «неопределенности» на выборах, а повышение заградительного барьера значительно сократило число потенциальных участников кампании. Важным новшеством стал запрет на участие общественных организаций в создании избирательных блоков (2004).

Принятый в 2005 г. новый рамочный закон полностью перевел выборы в Госдуму на пропорциональную систему. Жесткая регламентация структуры партийных списков, в частности ограничение общенациональной части списка тремя кандидатами и повышение минимального числа региональных групп до 100¹, сократили возможности партий привлекать ресурсы элит. Перед выборами 2007 г. число региональных групп было сокращено до 80, в результате чего уровень неопределенности для кандидатов партийных списков несколько сократился. Отмена избирательных блоков и одновременно запрет на участие общественных организаций в наблюдении за выборами уменьшили число участников избирательного процесса. В 2006 г. была отменена графа «против всех», через полтора года отменен порог явки, позволявший признавать недействительными выборы в одномандатных округах. Тогда же были ужесточены требования к финансовой отчетности политических партий перед ЦИК. В 2007 г., перед самым стартом кампании, были еще раз откорректированы нормы, касавшиеся конверсии голосов. В частности, кандидатам в случае отказа от мандата была предоставлена возможность в будущем изменить свое решение. Данные ограничения оказывали серьезное влияние на трансляцию ресурсов элит политическим партиям.

В 2009 г. партиям, набравшим от 5 до 7% голосов, было гарантировано предоставление одного (при получении 5–6%) или двух мандатов (6–7%) в Госдуме. Партии, получившие менее 3%, были лишены права на бесплатное эфирное время в будущем, но одновре-

---

¹ Согласно ФЗ-54 «О выборах депутатов Государственной Думы» в редакции от 21.07.2007 № 188-ФЗ, ст. 36. п. 10, численность избирателей в одной группе не могла составлять менее 650 тыс. человек. При этом если численность избирателей в одном регионе превышала 3 млн человек, то там могла быть создана единая территориальная группа.

менно освобождены от долгов по его оплате в настоящем. Данная норма ограничила доступ малых партий к медийному ресурсу.

В 2010 г. число кандидатов в общенациональной части списка было увеличено до 10 человек, а минимальное количество региональных групп в 2011 г. было сокращено до 70. В 2012 г. партии были избавлены от необходимости собирать подписи в поддержку своего списка, а порог прохождения в Госдуму был сокращен с 7 до 5%, что незначительно увеличило шансы малых партий. Подобная «либерализация» партийного законодательства открыла возможности для участия в кампании субституты, хотя требование иметь отделения в половине субъектов РФ по-прежнему ограничивало шансы малых и локализованных на отдельных территориях партий.

В 2014 г. новый рамочный закон вернул смешанную несвязанную избирательную систему, однако ограничение на количество территориальных групп осталось прежним. При этом для партий, не представленных в федеральном и региональных парламентах, было возвращено требование собирать подписи в поддержку своих списков, что можно трактовать как ограничение на участие в выборах.

Таким образом, внесение в законодательство все новых норм последовательно сокращало число потенциальных участников избирательных кампаний, серьезно ограничивая потенциальным кандидатам возможность выбрать, по списку какой партии идти. С 1999 по 2011 г. ужесточались требования к партиям со стороны ЦИК, Министерства юстиции и налоговой инспекции. Законодательные новации вели ко все большей формализации отношений между кандидатами, включенными в партийные списки, и избирательными объединениями (политическими партиями), прямым образом воздействуя на ресурсную базу последних.

Результаты частотного анализа

Частотный анализ показал, что, несмотря на изменение избирательного законодательства, пропорции представительства основных категорий элит в составе депутатского корпуса Госдумы кардинально не изменились. Разница колеблется в пределах от 0 до 4,4%.

В частности, в 2003 г. представительство региональных элит составляло 62%, в 2007 г. – 64,5, в 2011 г. – 65,1% (см. Приложение 1). Представительство общенациональных элит в 2003 г. соста-

вило 68,8%, в 2007 г. – 66,3, в 2011 г. – 64,4% (см. Приложение 2). Представительство бизнес-элит в 2003 и 2007 гг. равнялось 44%, в 2011 – 44,6% (см. Приложение 3).

Поскольку для анализа доступна вся генеральная совокупность, в проверке значимости каждого распределения нет необходимости. Результаты частотного анализа показывают, что уровень пропорции представительства элит не меняется. Таким образом, результаты статистического замера подтверждают теоретические положения обоих подходов, согласно которым представители «правлящей группы» стремятся к сохранению статус-кво и стабилизации политического режима.

Меня избирательное законодательство, «правлящая группа», как и в развитых демократиях, стремится «улучшить» правила игры, однако главным для нее остается сохранение власти, поэтому ее вполне удовлетворяет статус-кво и она согласна «заморозить» существующие пропорции представительства. Сохранение пропорции элит внутри представительных органов власти подтверждает этот тезис.

В данном случае очевидна ограниченность повестки Роккана как одного из важнейших допущений при исследовании электоральных реформ в развитых демократиях. Эта повестка рассматривает в качестве политических акторов партию или их коалицию, для которых характерно рациональное использование законодательных возможностей с целью увеличения своих шансов на переизбрание. Именно регулярность повторения выборов по старым правилам игры гарантирует им положение внутри системы. Кроме того, оппозиция всегда имеет возможность повлиять на принятие решений относительно изменения «правил игры».

В странах «серой зоны» бенефициаром реформ выступает правящая группа, поэтому логично связывать результат кампании именно с ней. Логично предположить, что правящая группа заинтересована в сохранении существующей конфигурации элит, которая поддерживает статус-кво. Причем в отличие от развитых демократий при электоральном авторитаризме правящая группа выступает единственной силой, способной проводить реформы.

Выводы

Частотный анализ эмпирически подтвердил теоретические положения о стремлении правящей группы стабилизировать суще-

ствующий статус-кво. Отсутствие изменений в пропорциях элит в составе депутатского корпуса Госдумы демонстрирует, что, несмотря на постоянную трансформацию избирательного законодательства, социальная структура правящего слоя остается прежней.

Объединение двух теоретических подходов при анализе случаев, аналогичных российскому, сформировало определенные ожидания. Правящая группа в странах электорального авторитаризма использует изменение избирательного законодательства для сохранения статус-кво. Таким образом, электоральные реформы служат инструментом для обеспечения нужного правящей группе результата, который заключается в стабилизации политического режима. Мотивы проведения избирательных реформ рациональны: правящая группа в условиях электорального авторитаризма уже обладает властью, поэтому борьба ведется не за овладение ею, а за ее укрепление. Стандартным объяснением в данном случае является распределение ресурсов среди потенциальных противников режима. Укрепив консенсус элит, автократы получают возможность максимизировать свое влияние на политический режим.

Таким образом, как и в развитых демократиях, реформы проводятся с целью «улучшить» правила игры. Однако их результат интерпретируется в соответствии не с тем, как влияет на политику голосование избирателей, а с тем, насколько состав элит соответствует показателям, представленным в формальных институтах.

Приложение 1

Частотность представительства региональных элит в депутатском корпусе Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации созывов 2003, 2007 и 2011 гг.

	2003 г.		2007 г.		2011 г.	
	кол-во депутатов	проценты	кол-во депутатов	проценты	кол-во депутатов	проценты
Не представитель региональных элит	169	38,0	159	35,5	155	35,6
Представитель региональных элит	276	62,0	289	64,5	289	65,1
Всего	445	100	448	100	444	100

Приложение 2

**Частотность представительства общенациональных элит
в депутатском корпусе Государственной думы Федерального
Собрания Российской Федерации созывов
2003, 2007 и 2011 гг.**

	2003 г.		2007 г.		2011 г.	
	кол-во депутатов	проценты	кол-во депутатов	проценты	кол-во депутатов	проценты
Не представитель общенациональных элит	139	31,2	151	33,7	158	35,6
Представитель общенациональных элит	306	68,8	297	66,3	286	64,4
Всего	445	100	448	100	444	100

Приложение 3

**Частотность представительства бизнес-элит в депутатском
корпусе Государственной думы Федерального Собрания
Российской Федерации созывов 2003, 2007 и 2011 гг.**

	2003 г.		2007 г.		2011 г.	
	кол-во депутатов	проценты	кол-во депутатов	проценты	кол-во депутатов	проценты
Не представитель бизнеса	249	56,0	251	56,0	246	55,4
Представитель бизнеса	196	44,0	197	44,0	198	44,6
Всего	445	100	448	100	444	100

Список литературы

- Голосов Г.В.* Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Полис. – М., 2005. – № 1. – С. 108-119.
- Коргунюк Ю.Г., Ахременко А.С.* Трансформация структуры электоральных размежеваний в постсоветской России и изменение роли идеологической мотивации в поведении избирателей // Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических режимах» / Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, О.Б. Подвинцева. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2012. – С. 188–217.

- Кынев А. В.* Политические партии в российских регионах: взгляд через призму региональной избирательной реформы // Полис. – М., 2006. – № 6. – С. 145–160.
- Подвицнев О.Б., Панов П.В., Иванова М.В.* Выборы регионального и местного уровня: пределы политики доминирования // Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических режимах» / Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, О.Б. Подвинцева. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2012. – С. 217–258.
- Birch S.* Electoral systems and party system stability in Post-Communist Europe // The 97 th annual meeting of the American Political Science Association. – San Francisco, 2001. – 30 August – 2 September, – Mode of access: <http://www2.essex.ac.uk/elect/database/papers/sbvolatility.pdf> (Дата посещения: 01.11.2014.)
- Boix C., Svolik M.* The foundations of limited authoritarian government: Institutions, commitment, and power-sharing in dictatorships // Journal of politics. – Cambridge, 2013. – Vol. 75, N 2. – P. 300–316.
- Coppedge M.* The dynamic diversity of Latin American party systems // Party politics. – L., 1998. – N 4. – P. 547–568.
- Diaz-Cayeros A., Magaloni B.* Party dominance and the logic of electoral design in Mexico's transition to democracy // Journal of theoretical politics. – L., 2001. – Vol. 13, N 3. – P. 271–293.
- Frye T, Reuter O., Skazonyi D.* Political machines at work: voter mobilization and electoral subversion in the workplace // World politics. – Cambridge, 2014. – Vol. 66, N 2. – P. 195–228.
- Geddes B.* What do we know about democratization twenty years later // Annual review of political science. – California, 1999. – Vol. 2. – P. 115–144.
- Gel'man V.* Party politics in Russia: From competition to hierarchy // Europe-Asia studies. – L., 2008. – Vol. 60, N 6. – P. 913–930.
- Golosov G.V.* Proportional representation and authoritarianism: evidence from russia's election law reform // Representations. – California, 2013. – Vol. 49, N 1. – P. 83–95.
- Hale H.* Why not parties? Electoral markets, party substitutes, and stalled democratization in Russia // Comparative politics. – N.Y., 2005. – Vol. 37, N 2. – P. 147–166.
- Levitsky S., Way L.* The rise of competitive authoritarianism // Journal of democracy. – Baltimore, 2002. – Vol. 13, N 2. – P. 51–65.
- Lijphart A.* Electoral systems and party systems: A study of twenty-seven democracies, 1945–1990. – Oxford: Oxford univ. press, 1994. – 209 p.
- Mainwaring S.* Party systems in the third wave // Journal of democracy. – Baltimore, 1998. – Vol. 9, N 3. – P. 67–81.
- Mozaffar S., Scarritt J., Galaich G.* Electoral institutions, ethnopolitical cleavages, and party systems in Africa's emerging democracies // American political science review. – Cambridge, 2003. – Vol. 97, N 3. – P. 379–390.
- Mozaffar S., Scarritt J.* The puzzle of African party systems // Party politics. – L., 2005. – Vol. 11, N 4. – P. 399–421.
- O'Donnell G., Schmitter P.* Transitions from authoritarian rule: Tentative Conclusions about uncertain democracies. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 1986. – P. 40–41.

-
- Panov P., Ross C.* Sub-National elections in Russia: Variations in united Russia's Domination of Regional Assemblies // *Europe-Asia studies*. – L., 2013. – Vol. 65, N 4. – P. 737–752.
- Petrov N., Lipman M., Hale H.* Three dilemmas of hybrid regime governance: Russia from Putin to Putin // *Post-Soviet affairs*. – Washington, DC, 2014. – Vol. 30, N 1. – P. 1–26.
- Pye L.* Money politics and transitions to democracy in East Asia // *Asian survey*. – California, 1997. – Vol. 37, N 3. – P. 213–228.
- Schedler A.* Authoritarianism's last line of defense // *Journal of democracy*. – Baltimore, 2010. – Vol. 21, N 1. – P. 69–80.
- Schedler A.* The menu of manipulation // *Journal of democracy*. – Baltimore, 2002. – Vol. 13, N 2. – P. 36–50.
- Sikk A.* How unstable? Volatility and the genuinely new parties in Eastern Europe // *European journal of political research*. – L., 2005. – Vol. 44. – P. 391–412.
- Wintrobe R.* The political economy of dictatorship. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1998. – 390 p.